

ВЗГЛЯД НА ЯЗЫКОВУЮ ИНТЕРФЕРЕНЦИЮ И СТЕПЕНИ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Теренин А.В.

ГОУ ВПО Казанский федеральный университет, Елабуга, Россия (423600, г. Елабуга, ул. Казанская, 89), e-mail: Tteerenin@yandex.ru

Аннотируемая статья предлагает небольшую поправку в одну из классификаций межъязыковой интерференции, а именно: в ее деление на явную и скрытую. Целесообразность этой поправки обосновывается двумя соображениями. Во-первых, наименования «явная интерференция» и «скрытая интерференция» не вполне соответствуют их обозначаемому. Так, для учащегося любая интерференция является скрытой, а преподавателю с высоким уровнем языковой компетенции любая интерференция представляется явной. Во-вторых, разнообразие форм интерференции настоятельно диктует ее более чем бинарное деление. Исходя из этих соображений, автор предлагает классифицировать проявления интерференции на основе трехчленного деления: грубая интерференция, умеренная интерференция и мягкая интерференция. Лингвистической основой для данного построения является соотношение системы языка и ее реализации в речевых актах: грубая интерференция демонстрирует прегрешения против языковой системы; умеренная – против нормы; мягкая интерференция выводит нормативно-принятую модель за пределы диапазона ее варьирования.

Ключевые слова: мягкая интерференция, умеренная интерференция, грубая интерференция, языковая система, языковая норма, диапазон варьирования нормы.

A VIEW OF LANGUAGE INTERFERENCE AND ITS MANIFESTATIONS

Terenin A.V.

Kazan Federal University, Elabuga, Russia (423600, Elabuga, street Kazanskaya, 89), e-mail: Tteerenin@yandex.ru

The abstracted article brings forward a suggestion to update the classification of language interference into the patent and the latent ones. The author grounds his suggestion by the following ideas. On the one hand, the naming units “patent interference” and “latent interference” do not fully correspond to the phenomena that they denote. Thus, a student can hardly be aware when and in what degree his foreign language is affected by the mother tongue. Accordingly any manifestation of interference is latent to the one who studies. And, vice versa, any interference will appear as patent to a teacher with a profound knowledge of the language. On the other hand, a vast variety of interference exposes the dichotomy of its classification as scarce. Following these ideas the author of the article singles out three degrees of syntactic interference: heavy, moderate and light. The linguistic grounding for such division may be found in the interrelations of the language system and its realization in the communicative situations: heavy interference displays the offence against the language system; moderate one – against the language norm; while light interference expands the usage of a syntactic model behind its normative limits.

Keywords: light interference, moderate interference, heavy interference, language system, norm, the limits of usage .

Наименование «языковая интерференция» имеет несколько значений. В широком смысле оно понимается как взаимодействие языков в условиях двуязычия, приводящее в конечном итоге к изменениям в системе и норме каждого из контактирующих языков. В узком смысле это наименование означает перенесение языкового опыта общения на одном языке в иноязычную коммуникацию в условиях учебной ситуации. Именно в этом понимании интерференция представляет наибольший интерес для методики обучения иностранным языкам.

Языковая интерференция – серьезное препятствие на пути успешного овладения навыками иноязычного общения, и в силу этого данному явлению уделяется достаточно большое внимание со стороны методики и лингвистики [1, 2, 3, 4, 8]. Интерференция

рассматривается с разных позиций, причем наиболее популярной является классификация по уровневому принципу, в соответствии с которым она разделяется на фонетическую, лексическую, морфологическую и синтаксическую. Оставаясь наиболее востребованной, данная классификация, однако, не является единственной. В зависимости от практических целей исследований и учебных задач языковая интерференция подразделяется также на внешнюю и внутреннюю, положительную и отрицательную, прямую и косвенную, явную и скрытую.

Последнее из перечисленных делений имеет в качестве классифицирующего принципа степень проявления интерференции. Оно бывает востребованным методикой в ходе совершенствования обучающимися языковых навыков. Между тем используемая здесь терминология (т.е. *явная* и *скрытая интерференция*) не вполне соответствует содержанию обозначаемого. Интерференция есть неосознанное перенесение опыта общения из одного языка в другой, и степень ее проявления зависит от уровня языковой компетенции обучающегося. Поэтому для обучаемого любая интерференция является скрытой. И наоборот, преподавателю с высоким уровнем языковой компетенции любая интерференция представляется явной.

Кроме того, поскольку характер интерференции принимает весьма разнообразные формы, ее бинарное деление по данному принципу представляется недостаточным. В этой связи в настоящей статье предлагается выделение трех степеней интерференции: грубой, умеренной и мягкой.

В первом случае интерференция родного языка приводит к появлению в текстах синтаксических построений, которые принципиально невозможны в изучаемом языке на данном этапе его развития. Так, на первых стадиях обучения речь студентов нередко характеризуется чрезмерным буквализмом, например, *how to know* (букв. перевод *как знать*), *only to think* (букв. перевод *подумать только*) и т.п. К грубой интерференции можно также отнести использование будущего в придаточных времени и условия, употребление инфинитива после глаголов *suggest*, *insist*, *demand*, употребление предлога *with* после глаголов *happen* и *compare*, а также многие другие погрешности студенческих композиций. Во всех подобных случаях интерференция родного языка приводит к языковой ошибке.

Между тем системы русского и английского языков имеют много общего, причем это общее может оказывать не только положительное, но и отрицательное влияние на формирование навыков иноязычной коммуникации. Так, следуя опыту общения на родном языке, студенты нередко строят конструкции, которые, хотя и не нарушают правил английской грамматики, тем не менее, в речи носителей языка фактически не наблюдаются. Иными словами, интерференция в подобных случаях деформирует не систему языка, а

узуально-принятую норму. Примерами такой (умеренной) интерференции может служить подмена конструкций *Complex Object* сложносочиненными предложениями: *She saw how he entered the room* вместо: *She saw him entering the room*. Причиной умеренной интерференции является все тот же буквализм, опирающийся на общие принципы построения родного и изучаемого языков и игнорирующий при этом схему предпочтительных реализаций, принятых в иноязычной языковой культуре, т.е. норму. Конфликт между нормой и системой в речевых манифестациях студентов можно иллюстрировать использованием оборотов с причастием *being*. Обратимся к следующему примеру.

Now being free from his fears he could take quick and decisive steps (из студенческой работы).

Следуя структуре русских моделей с причастием *будучи*, автор предложения не нарушает системных отношений английского языка, однако он не учитывает стремления английского языка к компрессии, что (применительно к предложениям подобного типа) выражается в нормативно-узуальном элиминировании причастия *being*.

Now free from his fears he could take quick and decisive steps.

Последняя (мягкая) степень интерференции имеет место в тех случаях, когда переносимая из родного языка модель не демонстрирует ни отступлений от грамматики, ни отступлений от нормативно-принятого языковым коллективом. Между тем, как отмечает Ю.М. Скребнев, идея нормы необходимо предполагает некоторый диапазон ее варьирования, констатируемый языковым сознанием коллектива [6: 69]. Этот диапазон задается рядом параметров, которые при изучении иностранного языка могут подвергаться искажению под воздействием языка родного. Выход нормативной модели за пределы параметров диапазона и будет определять мягкую интерференцию. Рассмотрим далее несколько проявлений такой интерференции.

Первое из них заключается в использовании полной инверсии сказуемого по отношению к подлежащему. При этом речь идет не о специфически английских моделях (*Out comes the sun*), где инверсия сказуемого обусловлена переносом на первое место наречия-обстоятельства, указывающего на направление. Речь идет о конструкциях, широко распространенных в русском языке и реже – в английском. В лонгмановском классификаторе они обозначаются аббревиатурой ASV (Adverbial modifier – Verb – Subject) [7: 153].

By the side of the door grew a great oleander in full flower (Mansfield).

Еще в школе учащиеся усваивают одно из основных правил английской грамматики, согласно которому подлежащее в английском предложении должно предшествовать сказуемому. Это мнение укрепляется на первых этапах обучения в вузе, где грамматика

акцентирует внимание на своих ядерных областях, оставляя периферию для более поздних этапов обучения. Однако с приобретением более глубоких знаний, с приобретением коммуникативного опыта (особенно опыта чтения художественных текстов) студенты убеждаются в том, что упомянутое правило вовсе не является абсолютным. Авторитет печатного слова (где в основном наблюдается ASV инверсия) поощряет студентов использовать подобного рода конструкции в своих сочинениях. При этом факт употребления таких конструкций в печатных изданиях нередко используется студентами в качестве основания для отстаивания своих позиций в дискуссиях с преподавателем.

Как и любая нормативная модель, подобные предложения функционируют в определенном диапазоне варьирования, параметры которого заданы рядом особенностей.

Первая из этих особенностей имеет коммуникативную сущность. Подобные предложения используются для введения в описание нового объекта и имеют в качестве ремы предикативное ядро. В англоязычной риторике такие предложения называются циклическими (*periodic sentences*). Они противопоставляются свободным предложениям (*loose sentences*), а рациональное чередование свободных и циклических предложений трактуется как проявление высокого риторического искусства.

Другая особенность касается сферы употребления рассматриваемой инверсии. Согласно данным «Лонгмановской грамматики устного и письменного английского языка», полная инверсия сказуемого чаще всего наблюдается в текстах, где максимальную реализацию получает эстетическая функция языка. В первую очередь это художественные произведения, реже – публицистика и академическая проза [7: 954].

Ограничиваясь письменной сферой языкового употребления, рассматриваемые модели задают и следующий параметр в диапазоне своего варьирования. Этим параметром является относительно низкая частотность употребления [7: 926].

Приведем несколько примеров AVS инверсии.

*In the centre of the room, under the chandelier, as became a host, **stood the head of the family**, old Jolyon himself* (Galsworthy).

*On a heap of sacking in the far corner **was lying the dead body** of a man dressed in a course shirt and a pair of blue trousers* (Wilde).

*Beyond the meadows of flowers and haymakers **lay the blue mountains**, as blue as dreams, as Paradise* (Farjeon).

*At the very edge of the woods, as though it had just stepped out of the trees and set foot on the grass **was a tiny cottage*** (Farjeon).

Подтверждая вышеизложенное, данные примеры иллюстрируют еще одну особенность использования AVS инверсии. Эта особенность состоит в ее изобразительной

функции. Подобные конструкции, как правило, используются для изображения сцен, характеризующихся относительной статикой. В пользу этих соображений говорит и тот факт, что сказуемое в таких высказываниях выражается ограниченным кругом глаголов, которые указывают не столько на действие, сколько на состояние. Это такие глаголы, как: *be, stand, sit, lie, hang*. Впрочем, в определенных случаях инверсии подвергается сказуемое, выраженное глаголами движения, например, *come*. Однако и в этих случаях глагол *come* указывает не столько на динамику изображаемой картины, сколько на смену статичных сцен или состояний.

Yet along with the pain of this realization came a hot stab of joy: I was stronger (London).

Очевидно, что перечисленные особенности употребления рассматриваемых конструкций в русском и английском языках совпадают лишь отчасти. Однако студенты (чаще всего неосознанно) игнорируют эти особенности. Они видят лишь одно отличие между русскими и английскими предложениями данного типа, а именно: частотность употребления. В остальном же они трактуют AVS инверсию как синтаксический эквивалент русской модели и тем самым позволяют ей распространяться за пределы диапазона ее употребления. Все это позволяет рассматривать такие погрешности как мягкое проявление межъязыковой интерференции.

Следующим явлением, демонстрирующим мягкую интерференцию, является препозиция дополнения по отношению к предикативному ядру, например: *This I do not understand; Such a blunder I have now committed*. Подобные конструкции можно наблюдать как в русском, так и в английском языке. При этом в русском языке они очень широко распространены и используются практически во всех сферах коммуникации. Твердые навыки использования таких предложений в общении на родном языке распространяются и на язык изучаемый, и в студенческих работах они встречаются в избытке. Между тем практика использования подобных предложений в английском и русском языках расходится по ряду позиций. Прежде всего, несоотносимой является частотность использования подобных предложений в русских и английских текстах. Согласно данным уже упоминавшейся грамматики, общая частотность препозиции дополнения по отношению к предикативной части сказуемого в два раза ниже, чем частотность инверсии сказуемого [7: 909]. При этом препозиция дополнения, наблюдаемая в письменных и устных регистрах, коммуникативно неравнозначна. В письменных текстах такая препозиция используется в качестве связующего средства, где выносимое на первое место дополнение составляет тему высказывания. В языковой повседневности подобные предложения являются следствием спонтанности разговорной речи, в результате которой, как отмечает Ю.М. Скребнев, наиболее информативная часть (т.е. рема) высказывания смещается на первое место [5: 156].

Эти особенности также не учитываются студентами, что, собственно, и составляет одно из проявлений мягкой интерференции.

Список литературы

1. Алимов В.В. Интерференция в переводе: учеб. пособие. – М.: КомКнига, 2005. – 229 с.
2. Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблема двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – 94 с.
3. Кузьменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 316 с.
4. Кузьмина С.Е. Языковая интерференция: Учебное пособие. – Н.Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 69 с.
5. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику / Ю.М. Скребнев. – Саратов: СГУ, 1985. – 210 с.
6. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики / Ю.М. Скребнев. – Горький, 1975. - 175 с.
7. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johanson, J. Leech, S. Conrad, Edward Finegun. - Edinburgh Gate: Pearson Education Limited, 2000. – 1204 p.
8. Terenin A. Clear Writing as a Problem of Russian Learners of English // Middle East Journal of Scientific Research. – 2013. – Vol 16. - № 11. – P. 1512-1519.

Рецензенты:

Шастина Е.М., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии, Казанский федеральный университет, г. Елабуга.

Билялова А.А., д.ф.н., профессор кафедры иностранных языков Набережночелнинского института Казанского федерального университета, г. Набережные Челны.